

пользовался сложившимися на минуту благопріятно обстоятельствомъ, чтобы полнѣе высказать мысль или нарисовать картину, какія представлялись уже и наканунѣ 60-хъ годовъ. Съ опредѣленіемъ этого вопроса выяснится — въ области поэтического творчества, — насколько «народничество» можетъ быть въ правѣ считать себя открытіемъ, невѣдомымъ прежде новымъ началомъ. Параллельный вопросъ представится, конечно, и въ области началъ общественно-экономическихъ. Мы ограничимся въ настоящемъ случаѣ только первымъ и остановимся сначала на біографіи нашего писателя.

Ливитовъ былъ дѣйствительно *разночинецъ*, сынъ деревенскаго дьячка. Мы видѣли недавно ¹⁾, что народническіе писатели именно придаютъ значеніе тому обстоятельству, что въ нашей новѣйшей литературѣ стали выступать дѣятели изъ этого общественного класса, и приписываютъ имъ внесеніе новаго характера въ самое содержаніе и строй литературы. Но пусть они не преувеличиваютъ этого обстоятельства. Происхожденіе писателя можетъ имѣть свою важность въ эпизодическихъ подробностяхъ литературной исторіи; но можетъ и совсѣмъ не имѣть значенія въ общемъ широкомъ движеніи литературной идеи. Эта идея, въ своихъ высшихъ проявленіяхъ отражающая внутренніе успѣхи просвѣщенія и національнаго самосознанія, слишкомъ глубоко коренится въ жизни, чтобы зависѣть отъ случайностей происхожденія и паспорта: въ кругу специальныхъ отношеній на писателя или общественного дѣятеля могутъ вліять память объ его происхожденіи, особенности его среды и воспитанія; эта память и эти особенности часто налагаютъ извѣстный отпечатокъ на личный характеръ, на исторію развитія; но было бы страшно, пожалуй даже уродливо, еслибъ они сопровождали писателя въ вопросахъ науки, высшаго поэтического творчества, въ вопросахъ обще-національнаго значенія, — или, если «разночинецъ» (или человѣкъ другого общественного положенія) дѣйствительно сохранить свою специальную сословность въ этихъ широкихъ вопросахъ, это будетъ только недостатокъ и узкая исключительность. Геній и талантъ никогда не были ограничены какими-нибудь опредѣленными ступенями общественной лѣстницы, и первостепенные дѣятели литературы и самой государственной жизни нерѣдко выходили изъ «разночинцевъ». Въ концѣ XVII-го вѣка родился въ царской семьѣ геніальный человѣкъ, которому суждено было произвести переворотъ въ исторіи русскаго народа; въ первые годы XVIII-го

¹⁾ Въ отвѣтъ на „Открытое письмо“ г. Златовратскаго.